
а что сказать, когда ни слова не осталось?
куда уплыть, когда не стало корабля?

я за тебя отброшу тяжесть идеалов, сорву оковы ледяного февраля, я за тебя
шагну на край и затеряюсь в туманах памяти далеких маяков.
в груди у нас - тоска по родине и маю, в душе у нас - порывы северных ветров.

о чем пропеть, когда ржавеющие струны всю боль молитв моих вмещают в тихий
стон? куда уйти, куда сбежать в сыром июне? куда мне спрятать свой оставшийся
патрон? куда подняться, чтобы просто видеть небо? куда взлететь, когда все
больше тянет вниз? я за тебя восстану вновь и брошу жребий на быть-не-быть в
пределах сказочных границ.

но что сказать, когда ни слова не осталось? куда уплыть, когда не стало корабля?

я за тебя отброшу тяжесть идеалов, сорву оковы ледяного февраля, я за тебя
шагну на край и затеряюсь в туманах памяти далеких маяков. в груди у нас -
тоска по родине и маю, но нас ведут порывы северных ветров. и только им я
доверяю, и однажды отправлюсь вслед за стылым ветром в дальний путь, туда,
где нам никто о счастье не расскажет, откуда ни один корабль не вернуть.

звенит хрусталь и серебрится под ногами, когда скользит несмело молодая ночь.
тоскливый вой метели бьется между нами, и стон стеклянных чаек гонит солнце
прочь. здесь все - вода, и я лишён последней воли, и мой корабль спит, объятый
сизым льдом.

...но позовешь меня, и я - ни слова боле - пойду на голос твой, неясный, но
родной.

но что сказать, когда ни слова не осталось? куда уплыть, когда не стало корабля?
я за тебя отброшу тяжесть идеалов, сорву оковы ледяного февраля, я за тебя
шагну на край и затеряюсь в туманах памяти далеких маяков...

и я вернусь
к далёкой родине и маю,
прорвавшись сквозь порывы
северных
ветров.

здравствуйте, мне пятнадцать.

я остаюсь такой же. нет, я не повзрослела, это не про меня. серая боль и страхи
вьются змеей под кожей.

вот бы скорее стать взрослой, чтобы их все унять.

я снова верю в сказку - маленький луч надежды, только за этим светом кроется
пустота. где мне найти свободу, счастье и веру? где же? боженька, расскажи мне,
как подобрать слова, как рассказать о боли, чтобы не сделать хуже, как описать
тревогу, как рисовать, когда мир словно черно-белый, а на палитре - лужи?
кажется, что минуты прячутся по углам, чтобы ударить в спину, острым ножом
под ребра.

я не искала бездну - бездна меня нашла.

боженька, разве правда то, что ты - просто образ, пыльный, седой и старый?
боженька, что тогда? да, я, конечно, справлюсь, ведь мне уже не десять, я ведь
сильнее (правда, это совсем не так). только мне сложно, боже.

я не пишу ни песен, ни интересных сказок, хоть и могу мечтать. кажется часто,
будто только мечта и греет, только мечтой дышу и только мечтой живу.

в этих мечтах все чаще манит жестокий север, и за закрытой дверью будто бы
наяву прямо перед глазами строится снежный замок, весь в серебре, сияет - разве
не чудеса? правда, мороз по коже,
сине-зеленый мрамор вмиг покрывает руки. если закрыть глаза, будет почти не
страшно, даже отступит холод, а из далеких далей можно услышать зов - тихий
такой, протяжный, кажется, что знакомый, он заглушает даже тысячи голосов и
все зовёт куда-то...

только не сдвинусь с места: тихий мой угол будто стал для меня тюрьмой.

здравствуйте, мне пятнадцать.

боже, куда мне деться? я ведь хочу всего-то быть перестать собой.

ты же видишь, стою - недосказанный, но живой. не последний, не первый - такие хоронят память. если нужно - умру, если нужно - отправлюсь в бой.

но я снова прогнулся, и снова давлю на жалость.

ты же видишь - ослеп. ты же видишь - уже без сил. ты же слышишь, как с хрипом я падаю на колени. так скажи, для чего?

голосами земных светил расскажи, для чего я не больше поблеклой тени? расскажи, почему я был проклят тобой навек? почему меня мысли терзают голодной сворой? в моем сердце - стрела, а под сердцем - протоки рек, и в груди - пустота, тихий омут и чёрный ворон. он зовёт, и кричит, и толкает на самый край, я его ненавижу, а он меня презирает.

если хочешь - давай, наводи свой прицел, стреляй! за тебя - хоть с небес. все равно мне не видеть рая, все равно я - никто. нерассказанный, но живой, недопетый, невыпитый, вывернутый наружу. завещаю тебе себя полностью, с головой. а захочешь спасти - постарайся не сделать хуже. чтобы гниль не задела тебя, раздражая взгляд, чтобы прах серой пылью не сел на воздушном платье. завещаю себя и считаю почти до ста. тридцать пять, тридцать семь...

бесконечность...

помилуй, хватит.

ты же видишь - я здесь. я разрушен, почти убит. ты же видишь - стою. ты же видишь - почти на грани. завещаю тебе свою слабость, свои грехи и бродячую тень между стен неприглядных зданий. завещаю тебе себя полностью, но прошу - не теряй между строк отголоски моих прощаний.

когда мир превратится в помеху и белый шум,
я предстану последним
из рода безликих тварей.

пустота на душе - это след от огня и стали.

подчинение страхом останется между нами. Эти жизни - ничтожные вспышки на ленте мира, чей конец через вечности будет таким красивым. ничего человеческого - будьте теперь довольны, через несколько лет только сладостней станет воля, ведь орлу не прижиться под крыльями мелких пташек, их пустая угроза не кажется больше страшной.

беспощаднее пламени только безмолвный холод, безразличие красит не хуже любой короны. за секунду до тьмы им так хочется видеть солнце, все кончается быстро, и сердце уже не бьется.

за спиной еле слышится чей-то неясный голос, не пробудится совесть, не вырастет правды колос, но в железной броне что-то слабенько шелохнется, и безрадостный взгляд неуверенно улыбнется.

я видела море, и море цвело закатом.
я видела небо, и небо съедало море.
вечерний пожар, покидая его фарватер,
стекается медленно в тихий вселенский морок.

я видела звезды, и звезды пылали алтым.
я видела солнце, и солнце затмило звезды.
слепыми, безумными боги небес предстали.
краснеющий свет разливался по белым розам.

вселенная бьется в агонии - кашель с кровью -
и слёзы над морем кислотным дождем пускает.
бессмысленно прятаться где-то под старой кровлей:
червями зловонные брызги сползут по краю.

ожоги и язвы на бархатной, нежной коже.
"учись принимать свою участь, другим не легче" -
а ужас в груди все скребется взбешенной кошкой.
учись принимать свою долю. смирение лечит.

погасшее зарево между вчера и завтра
стекает смолой по картонным границам мира:
его сочинил недалекий, наивный автор.
поверишь ли, выдумал, будто бы ночь красива,

придумал, что небо и море живут в покое,
придумал, что нет ни войны, ни стихийных бедствий
и что за границами ложными все пустое,
и выдумал, будто в пожаре легко согреться.

мир треснул по швам, подчиняясь порядкам внешним,
сочится сквозь трещины липкая бездна ночи.
закреть бы телами кровавыми эти бреши...

я видела море, и море шептало:
прочь.

если вырваться вон из кожи, неудача сожжет дотла.

если что-то тебе дороже, чем убийственный жар котла, если ты еще видишь свет и не намерен его терять, если ты не узнал ответы, если душу вложил в тетрадь, отпустив водопады мыслей и течение бурных рек, если путь ты на сердце высек, сохранил за ним оберег,

если ты выступал на бойню, но пришёл в безмятежный край, а когда задышал спокойно - потерял иллюзорный рай, если ты не сдаешься даже когда сил не хватает встать, если ты все стоишь на страже, не теряя былую стать, если ты еще веришь в память и безмолвную песню снов, в справедливости светлой знамя - будь готов. ко всему готов.

ты найдешь не свою дорогу и пройдешь по чужой тропе, не согласишь себе и богу, не уйдешь от стальных цепей. пробежит холодок по коже от неверности февраля.

этот мир неприлично сложен, но он есть, пока есть земля.

дверь с ноги выбивая, прошу войти,
поздороваться с комнатной пустотой.
огибая изысканность паутин,
попытайся найти для себя покой -

в глубине ли квартиры, в обрывках снов,
в монолите ли стен или на окне.
попытайся уснуть под шаги часов,
пока время стекается в мутный снег.

резкость рваных полос под обложкой штор
отпечаталась шрамами на груди.
дверь, скрипя, закрывается на затвор,
тень, шурша, собирается позади,

ветер, воя, срывает с окна узор.
чтоб согреться, заройся в пуховый шарф.
рядом тень шелестит, нагоняя сон:
"засыпай. Это я,
твой ночной кошмар"

мне почти пятнадцать.

я полон сил, ничего у высшего не просил, но нередко спорил и часто лгал, зверь внутри показывал свой оскал, я смеялся редко - и часто выл, я давно беспомощен и бескрыл, моё счастье прячется по углам моих темных комнат, сгребает хлам беспросветно грязной, гнилой души. мне почти пятнадцать, и я не жил: я всего лишь мысленно шел ко дну и мечтал однажды упасть в весну, в золотой апрель или пестрый май, и открыть там двери в свой личный рай, я мечтал уйти за предел небес - замечтался, глупый.

но я воскрес.

мне почти пятнадцать: последний день я теряю в жизненной суете.

мне почти пятнадцать.

последний час.

я с рассветом новым танцую вальс, потому что к черту пустую боль, потому что шрамам плевать на соль, потому что это - последний шаг, и я так до дрожи хочу дышать. изменился мир, или я не тот, или просто мой наступил черед разорвать оковы, сбежать туда, где тоска и ненависть всем чужда.

мне пятнадцать, вот он - мой звёздный час. все как прежде: ночь, высота, свеча. но пророк на деле и сам не знал, за каким началом придет финал, потому я здесь. я смотрю назад, на щеке украдкой блестит слеза.

мне пятнадцать. кажется, я живой.

"в добрый путь, - услышал я. - мир с тобой"

начинать с понедельника новый стих
у кого-то совсем не осталось сил.
сон срывается воплями: мир затих.
ветер памяти крошками разносил

вдоль по венам, взрывая в сосудах кровь,
эти жалкие строки, глухой мотив.
до последнего вздоха он нездоров -
бесконечно растянутый рецидив.

недосказанность в горле стоит ножом:
проглотить и забыть, да вспороть нутро;
между ребрами стынет углем ожог,
сердце - камень, заложенный под картон.

только все это временно, и когда
лик всеильного скроется из картин -
разольется под окнами пустота.
стены молча впитают его "прости".

плачь, моя девочка.

плачь, моя девочка.

плачь.

зубы сжимай и скули – все равно не слышат. счастье, видать, принесет тебе твой палач, тот, от кого у тебя полетела крыша.

плачь, моя девочка.

в сотне медовых фраз фальши не меньше, чем в столах прогнившей скрипки. желчь изливается литрами, без прикрас, море засушено. слезы агоний диких льются рекой, превращаясь в твой личный стикс, где переправ не найти и живым не выйти. эхом от скал отзывается звонкий крик. слышишь? сам дьявол зовет тебя.

хочешь выпить?

пей, моя девочка, пей. осуши до дна.

алая жидкость на нежных губах застыла. жизнь в ослепительном свете - обрывок сна, смерть - пробуждение, кое приходит с тыла. видно, поэтому страшно закрыть глаза, но не пугайся, ведь падать совсем не больно. пей, моя девочка. здесь слишком много зла, и во вселенной вовек не найдётся столько.

пой, моя девочка.

песней прожги нутро. пусть твои ноты осколками режут душу, пусть от гитарного звона бросает в дрожь.

пой, моя девочка. выверни слог наружу. вой, моя девочка, волком в разбитой мгле, пойманной птицей ломай золотые перья, словом - в упор, словно стих - это револьвер, вой и стреляй. и теперь никаких истерик.

плачь, моя девочка. плачься любым богам, и наплевать, что бог харкает сверху градом. плачь, моя девочка.

плачь. не смотри назад.

плачь, моя девочка, плачь.

а я буду рядом.

это было давно; в моей памяти сотни лет. я когда-то был очень силен и беспечно молод. это было давно. меня помнит лишь солнца свет и цветущий внутри непокорно-горящий холод.

это было давно.

но сейчас расцветает ночь, как тогда, завывает и стонет холодный ветер. и я болен годами, никто мне не смог помочь. я один в темноте, и мне звезды давно не светят. я так часто терялся, что больше не смог найтись, здесь темно и безлюдно, и дышит в затылок нечто. я бессмертный, не знающий страха! но тянет вниз что-то странно сильнее, чем я. потеряв дар речи, я смотрю в пустоту и ловлю её томный взгляд, за которым – безумный оскал сумасшедшей псины. она хочет убить, она хочет меня забрать. мысли бьются отрывками – "справишься" и "ты сильный", только силы давно позади, за пределом лет, растерялись, истерлись в труху на полях сражений, стали пылью на щрамах и копотью на земле, и итоговый бой принесёт только боль лишений.

это было давно; в моей памяти сотни лет. я когда-то был очень силен и беспечно молод. небо помнит далекую гордость былых побед.

неужели я больше не в силах развеять холод? неужели я больше не в силах разжечь огонь, даже если мой собственный будет на грани смерти? неужели все в прошлом? неужто и я – не тот?..

но далёкий осколок мечты где-то слабо светит, и лишь только за ним я обязан пойти вперед, и я делаю шаг. пустота замирает мигом. это страх на двоих, когда кто-то вот-вот умрет. это мир на двоих, потому что один погибнет.

я смотрю в ее глубь и ловлю кровожадный взгляд. мне не может быть страшно, о боги, совсем не страшно. первый шаг в пустоту - и она не сдает назад. это просто безумие, бой не бывает важным.

задыхается мир, замирает небесный свод, лунный свет растворяется, не доходя до края. пустота наступает, шипит, как змея, мол, вот, насладись перед смертью палитрой земных страданий. заполняет все тело, как будто пустой сосуд, и по венам течет, пробирается прямо к сердцу. мне не страшно! не страшно... замедлился тихий стук.

как же, правда, прекрасно,
что я побывал бессмертным.

под облаками спит холодный город, мольбой встречая пламенный рассвет, и дышит как-то рвано и неровно.

на высоте, под вспышками комет, над городом, шагая в ногу с солнцем, я прохожу до боли много лет. обрывки мыслей, фраз, пустых эмоций и жгучий воздух. как же надоел.

вдох. выдох. выдох. вдох.

сигнал потерян.

шаг ускоряется. по следу льется тень. душа - бетон, сливается со всеми, кто притаился вдоль холодных стен.

вдох. выдох. шаг назад. теряю волю и равновесие, но, в общем-то, не в счет. пустая цель погрешностей не стоит – я бью в упор и ставлю незачет. дышать труднее, если рваться в небо – чем выше, тем сильнее тянет вниз, в пучину, в пропасть. кажется, скорей бы – я упаду со стаей мертвых птиц. тяжелый, острый воздух режет горло, и голос – хриплый, слабый – шепчет: "стоп". под сапогами спит далекий город, а я стою меж небом и землей – разбитый идол, нравственный калека, незримый бог, отвергнутый навек.

над небом было слишком много света... но свет забрал несчастный человек. чужой для всех, потерянный изгнанник и просто боль – не ангел и не бог. вдох-выдох, выдох-вдох.

я шел по грани, готовый подставлять судьбе висок – шаг сбился. выдох. вдох. сигнал потерян. и принимать его, на деле-то, кому?

в немом холодном вальсе кружат тени, холодный свет струится по стеклу, холодный город спит, не пробудившись от долгого искусственного сна, холодный город горьким дымом дышит, в агонии стора до утра, холодный город в ломке – безусловно, меня и этим не застать врасплох.

скажи мне, боже,
город ли виновен, что моя жизнь – бессмысленный феномен,
что сердце рвется, молится и стонет,

а у меня давно нет сил
на вдох?

бледный август в глазах-стекляшках мириадами звёздных искр. нежно-сладкая льётся сказка на изрезанный обелиск, тёплый ветер взрывает волны вдоль асфальтовых берегов.

нежный август в твоих ладонях уместается в пять мазков, рассыпается звёздной пылью, оседая на склонах крыш. сладкий привкус хмельной ванили на губах. а ты мирно спишь на коленях моих, я нежно глажу бронзовый шёлк волос. ты никто для меня – и с тем же я безумно в тебя влюблен.

мягкий август на светлой коже сотней ласковых лепестков. новый день – и он снова прожит, вновь без звона литых оков и без громкого "аллилуйя!", без надрывного крика в глушь. бред ночной летний ветер сдует. я перо опускаю в тушь.

тихий шелест моих признаний остается в твоей груди. хищный август играет с нами, и пока что он впереди, и пока что за ним – победа, ни к чему нам просить реванш. в быстром вдохе – вся сладость лета, а в наушниках – резкий гранж, без эпитетов и сравнений. голос – холод, во взгляде – сталь. смесь затравленных междометий, неземная чужая даль.

внутривенно осколком неба август вводит тебе печаль.

где скитался я, где я не был –

я букеты тебе вручал,

ты топила своей улыбкой фосфорический холод звёзд. и ромашки взрывают скрипку, и горит опустевший грот, а ты спишь на моих коленях, улыбаясь всех солнц теплей. я кругом отгоняю тени блеском искр от твоих огней и шепчу тебе – так, несмело, чтобы слышала только ты:

август выкрадет твоё тело, осень выстелет золотым и застынет в глазах стеклянных серебром молчаливых фраз.

ты запомни её начало –

так случается

каждый раз.

ничего в этом личного, просто звучит красиво – рифмовать твоё имя, горящее, как огниво, рифмовать эти звуки, сжигающие, как пламя, рифмовать твою речь с разгорающимся пожаром, с треском веток, с отчаянным пламенем, с жарким солнцем, с бесконечной надеждой, что счастье вот-вот вернётся,

рифмовать твоё имя с горящим во тьме закатом и с неловким желанием просто остаться рядом, рифмовать твои взгляды с мелодией тёплой ночи и со всем, чего ты так давно, несомненно, хочешь,

растворяться в ночи в перезвоне давно знакомом, чтобы нежные звуки под глоткой не встали комом, растворяться в безумии, греться в своем кострище: только там нас с тобою никто никогда не сыщет, только там нам с тобою свободно, легко и просто; как беспечные птицы, мы вьём в поднебесье гнезда, покоряем ветра и взлетаем навстречу свету, очертанья в котором рисуют твои портреты, свет спускается, смотрит твоим золотистым взглядом, и я будто бы рада,

я так бесконечно рада рифмовать твои взгляды с кипящей в вулканах лавой, рифмовать их с покрывшейся пылью и пеплом раной, рифмовать тебя полностью и превращать в искусство, рифмовать тебя с счастьем, когда между ребер пусто, рифмовать твоё имя с признанием в чем-то вечном,

и я рада, так рада любой самой быстрой встрече, и я рада случайному взгляду, простому слову, только как же мне пусто и как одиноко снова в этом адском огне, без тебя охладевшем в гневе.

я рифмую твои интонации в полной мере с ослепительным светом и хмелю огня во взгляде.

я отдам все на свете, когда мы случимся рядом.

для таких, как и ты, открываются все дороги,

но назвавшись творцом, априори ты – одинокий. называясь поэтом, ты делаешь выстрел сразу, не теряясь до ночи в заоблачно-лживых фразмах. ты – певец своей боли, защитник своих трагедий, от голгофы к самой преисподней пронесший эти беззащитные чувства, распятые на ключицах.

здесь твой собственный выбор. тебе ничего не снится.

нарекаясь творцом, ты успеешь прослыть безумным, сумасшедшим, придурком, уродом и просто глупым, но каким бы ты ни был для них, тебе путь проложен: быть для каждого либо "не тем", либо "не похожим", без конца и без края скитаться в немой пустыне, быть непонятым, брошенным, диким тебе отныне, быть отвергнутым и никогда не найти причала, исписать, извести свою жизнь от конца к началу. выбирая дорогу, ты сразу стреляешь в сердце, завещая ему быть пустынным и не согреться.

и ты ходишь один, неприкаянный и голодный до вселенского счастья, его затвердевшей плоти, до чего-то живого, связующего с другими, только острое чувство всегда непременно стынет.

ты назвался творцом и открыл все пути-дороги: все разбиты, разрушены, воздух тяжёлый, горький, но ни шагу назад. ты желал себе этой славы.

так пиши.

по частям умирай
для своей забавы.

«разрывает и жжет, растекаясь по венам ядом. чернота между рёбрами - в пламя, когда ты рядом. недопетая песня срывается тихим стоном, в этом адском костре даже вечность тебя не стоит. меня душит и давит насмешливая беспечность.

разрываю когтями широкие твои плечи, поцелуй же, согрей, разожги до масштабов ада, очарованный, мой. и другого уже не надо. разожги, растерзай - в этом пламени все неважно. без тебя я - не я, без тебя лишь по стенам мажет, без меня ты - не ты, я вселенная, атмосфера, без меня ты - никто, без меня ты никем и не был.

без меня, без тебя... мы едины, давно едины, между сотен сюжетов рисуем свои картины. этот мир - не для нас, мы чужие ему, чужие, ты такой же, как я. непонятно, зачем мы живы. покажись мне, открой свою сущность, откройся мраку, мы с тобой одной крови, и места не будет страху, покажись мне всецело, мы это оставим в тайне: твоя слабость застынет на грани между мирами.»

-

«безрассудна. безумна. ты просто срываешь крышу. я тобой опьянен, я с тобой ничего не вижу, ты взрываешь нутро - я не в силах сдержаться дольше, загораюсь - струится огонь по холодной коже. я не знаю тебя, хоть других узнаю за милую, мне тебя не понять - хоть и ведьма, почти богиня. кто, когда и зачем переплел нам пути-дороги?

ты теряешь себя, открываешь души чертоги, ты играешь с огнём, признавайся, к чему все это? я спокоен до времени, зверя держу до лета, но потом он сорвётся, от рыка взорвутся стекла. и мы будем вдвоём непростительно одиноки.

без тебя я - не я, без меня ты - не ты, а что же? имена вырезаем осколком на тонкой коже и взрываем нутро, растираем до тонкой пыли. ты - наркотик, ты - яд, мы до боли с тобой привыкли, обескровленный зверь мой давно без тебя не дышит, ты - мой воздух, вселенная, пропасть, в которой выжил.

- отпусти.

- никогда.

- никогда.

- ни за что.

не верю: как я мог проиграть и поддаться какой-то ведьме? это точно нечисто, но чувствует, верно, сердце - или то, что у зверя в груди помогло согреться - твой опущенный взгляд и улыбка твоя мне - пища. забирай и сожги, и пускай нас никто не ищет.»